

Artificial societies. 2013-2020

ISSN 2077-5180

URL - <http://artsoc.jes.su>

All right reserved

Issue 3 Volume 15. 2020

The problem of social design in the light of everyday ideas about historical (social) time

A. Segal

*Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

To understand the process of designing society, it is proposed to consider the forms of social time – past, present and future—as they are presented to the ordinary consciousness. For this purpose, the concept of everyday consciousness is introduced and developed, and then it is correlated with the concept of subjectivity (Agency). In the same article, the inverse relationship of subjectivity (Agency) and non-reflexivity of everyday consciousness is revealed. The subject (agent) perceives the future not as a ready-made or "pre-installed" object, but as a product, the result of becoming in the course of its activity. In contrast, ordinary consciousness views the process of becoming as a disturbance and seeks to avoid it. A person with a truncated subjectivity sees the future as an already existing "space" from which one can get the necessary means, like fairy-tale artifacts. The author draws attention to the similarity of this approach to the methodology of describing artificial intelligence: in almost all concepts, it is considered as a "made", while the process of becoming, ontogenesis, is of fundamental importance.

Keywords list (en): subject, agent, everyday consciousness, reflection, social design, future, multiagency

Date of publication: 05.09.2020

Citation link:

Segal A. The problem of social design in the light of everyday ideas about historical (social) time // Artificial societies. 2020. V. 15. Issue 3 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (circulation date: 28.11.2020). DOI: 10.18254/S207751800010977-3

Введение. Постановка проблемы.

Любая круглая дата – а 2020 год является именно таковой – вызывает у публицистов, журналистов и политиков неодолимую тягу к подведению итогов, обобщениям и прогнозам. А кризисные явления, на которые богат нынешний год, и возросшая неопределенность только усиливают этот мировой тренд, который, к слову сказать, касается не только исследовательской, но и прикладной сферы. В правительствах и парламентах уже презентуются очередные планы до 2030, 2050 и т.п. «круглых» годов. Но с учетом того, насколько осуществились прежние планы и сбылись прогнозы, составленные 10-20 лет назад, возникают большие сомнения относительно того, способно ли в принципе нынешнее экспертное сообщество *проектировать* изменение состояние общества во времени.

2 Сразу уточним, что собираемся здесь обсуждать отношение ко времени не как к физическому явлению, а, скорее, как к *«временам»*: прошлому – настоящему – будущему. Другими словами, речь пойдет о социальном аспекте времени [29, 1996], или об историческом времени, – в контексте разворачивания в нем человеческой деятельности, деятельности людей как сообщества.

3 Выбор представлений о времени в качестве предмета рассмотрения вполне очевиден: *процесс* реализации любого проекта/плана есть движение поставленной цели (собственно проекта в узком смысле) *из будущего в настоящее* и превращение её в *результат*. Цель всегда находится в будущем, а результат – в настоящем. По образному выражению К. Маркса, «процесс угасает в продукте», и деятельность [Unruhe] «на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия...» [11, стр. 191-192]

4 В предыдущей статье¹ мы рассматривали субъектов (агентов) стратегирования и причины, по которым их субъектность (агентность) может оказаться (и чаще всего оказывается) усеченной [24]. Теперь же мы намерены взглянуть на проблему с другой стороны, дабы увидеть, *как* социальные процессы представляются тем, кто *относительно них*² не субъектен (не агентен), т.е. в силу своего положения и/или профессиональной принадлежности не участвует в принятии решений ни по общественно значимым целям, запускающим эти процессы, ни по стратегиям, ни по инструментам и методам их достижения. Речь идет о простом обывателе, или, выражаясь более строго, о *носителе обыденного сознания*. Развернем это понятие, дабы произвести своего рода «калибровку шкалы» степени субъектности (агентности).

5

Особенности обыденного сознания

6

Негативные определения

Мы неоднократно представляли к обсуждению специфические характеристики обыденного сознания, выделяющие его в родовом классе «сознание» [22, 21, 20]. Они укладываются в следующие пункты:

- 7 1. «Говоря об обыденном сознании, практически все исследователи отмечают его *нерациональный характер, игнорирование законов логики, отказ от научной информации* [курсив наш – А.С.]» [27, стр. 95] – писала еще в 2001 году психолог Е.В.

Улыбина. Однако, приняв эти относительно инвариантные характеристики как общую стартовую позицию, мы, исходя уже из собственной позиции, в следующих пунктах внесем некоторые дополнения.

2. *Несистемность и недialeктичность* обыденного сознания были отмечены еще Гегелем, и это не противоречит качествам, перечисленным в первом пункте, а напротив, обобщает их (точнее, обобщает перечисленное *отсутствие* качеств). «...Обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного, – писал Гегель – всегда удерживает противоположности врозь друг от друга..., не соединяя этих мыслей, оставляет в силе взятое отдельно одно, а затем так же и отдельно другое» [6, стр. 166-167]. Примечание. В этих двух пунктах отражена весьма специфическая черта обыденного сознания: его дескрипция представляет собой *отрицательную определенность* предикатов сознания, не являющегося обыденным. Иными словами, «обыденность» — это отрицательное определение, оно не приписывает сознанию свойства, а «отнимает» их.
3. Еще один негативный предикат обыденного сознания – *нерефлексивность* (отсутствие рефлексии). Здесь мнения исследователей различаются. Так, А.И. Путилин, описывая обыденное сознание, выдвигал идеи о «различии обыденного и рефлексивного сознания как двух интенций» [18, стр. 290] и о том, что «в научно-теоретическом мышлении присутствует форма, которая принципиально противоречит обыденному сознанию» – рефлексия [19., стр. 37].

8 При этом утверждалось, что *любая* рефлексия «по своей природе является отрицающей деятельностью» и «... расщепляет всё на противоположности и удерживает их в изолированности». [там же] Но ведь это как раз и есть существенные черты обыденного сознания (см. п.2), или «рефлексирующего рассудка»! [9, стр. 98] Налицо *contradictio in adjecto*, противоречие в определении: обыденное сознание определяется как принципиально *нерефлексивное*, и в то же время в самой рефлексии фиксируются черты обыденного сознания. Выход из этого противоречия находим у того же Гегеля: он признает за обыденным сознанием *рассудочную*, разделяющую рефлексия, но указывает на *отсутствие* рефлексии *разумной*, выходящей «за пределы... разделяющих определений» и видящей противоречие, что «как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка и ее устранение» [там же, стр. 98-99].

9 Однако *главной* представляется другая, довольно парадоксальная *особенность* обыденного сознания: в рамках *своей* обыденности (повседневности) оно... не обыденно. Поясним этот на первый взгляд странный тезис, заметив попутно, что обыденное сознание по определению внутренне противоречиво и парадоксально, в чем мы убедимся неоднократно.

10

Первый парадокс здравого смысла

«...Умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями» [25, стр. 722], – заметил Адам Смит, описывая одно из главных, по его мнению, достижений цивилизации – разделение труда. Очевидно, что в рамках этих своих обычных, повседневных занятий, в рамках профессиональной специализации, человек, руководствующийся здравым смыслом (еще один синоним обыденного сознания), вполне рационален, логичен, по возможности не игнорирует научную информацию и адекватно оценивает результаты своей деятельности (т.е. в значительной мере рефлексивен). Иными словами, сознание человека *в рамках его повседневности* не подпадает под негативные определения, обобщенные Е.В. Улыбиной. И это понятно: иначе этот человек оказывался бы просто профессионально несостоятельным и вынужден был бы искать для себя

иные виды повседневной деятельности.

11 Другое дело – человек, вышедший *за пределы* повседневного процесса деятельности, «за пределы "своей" обыденности». Именно *в момент* такого *выхода* обыденное сознание начинает *проявляться* как таковое. [21, стр. 91]. Вне сферы своей компетентности обыденное сознание «не имеет никакого иного познавательного инструмента кроме собственного повседневного» [Там же, стр. 91]. И использует оно его довольно прямолинейно: набрасывает на сферу, лежащую за границей повседневного опыта, привычную повседневную «когнитивную сетку координат», экстраполирует в другую область своё профессиональное или «бытовое» повседневное знание [там же, стр. 89], – иными словами, мыслит *по аналогии*.

12

Важное примечание

Сказанное касается *любого* специализированного субъекта. «Каждый из людей, кроме своих профессиональных занятий, образующих особую сферу жизнедеятельности, существует одновременно в системе обыденных представлений, которые имеются в данном обществе, в данной культуре». [14, стр. 49] Это важно подчеркнуть, поскольку бытует мнение, что высокая квалификация и образование служат своего рода страховкой от обыденных суждений. Казалось бы, такое мнение с очевидностью обоснованно: наука, как и предсказывал 160 лет назад К. Маркс, стала непосредственной производительной силой [13, стр. 215], развиваются наукоемкие производства, для их развития и функционирования требуются люди, которые *повседневно* занимаются теоретической деятельностью. Да что там говорить, практически каждый современный человек использует в быту и производстве прикладные научные разработки! Обыденность «умнеет», а наука становится предметом обыденных суждений [21, стр. 15].

13 Но, с другой стороны, специализация, разделение труда, как и прежде, формирует всё более узкие прослойки людей, которые за пределами своей компетентности *воинственно некомпетентны*. Продолжается, как писал всё тот же К. Маркс, «порабощающее человека подчинение его разделению труда» [12, стр. 20]. Это касается, к сожалению, и *представителей интеллектуального труда*, науки: выходя, по меткому замечанию В.В. Миронова, из замкнутой профессиональной среды, они попадают «на уровень „обыденного сознания“, в котором пребывает абсолютное большинство людей, в том числе и самих философов» [15, стр. 7]. Добавим – и не только философов.

14 Высококвалифицированные специалисты в силу более высокого уровня образования, информированности и общей культуры могут набросить *свою* «когнитивную сетку» на более широкую сферу человеческой деятельности, высказать суждения по более широкому спектру вопросов – и суждения эти будут *выглядеть* вполне квалифицированными и адекватными. Ну в самом деле: разве может быть некомпетентным мнение, скажем, доктора физико-математических наук, академика РАН (мы говорим об абстрактной фигуре) – даже если оно высказывается по вопросам истории или литературы?! Более того, такие люди сами часто уверены в своей компетентности. Что уж говорить о среднестатистическом обывателе! Для него любая наука – источник надежды и страха одновременно. Недаром последнее время в СМИ закрепились и раздулись до невообразимой значимости фигура эксперта-всезнайки. Он сидит на ток-шоу и достает из карманов своей ментальной жилетки ответы на все и всяческие вопросы – причем без малейшей тени сомнения и самокритики. Возможно, мы еще вернемся к этому феномену. А пока лишь зафиксируем *два состояния* обыденного сознания:

- 15 • в рамках обыденности, повседневности;
- вне этих рамок, где, собственно обыденное сознание и начинает проявляться как таковое.

16 Но нам интересна и рефлексивная составляющая, поэтому интересен и сам *момент перехода* из одного состояния в другое. И здесь мы можем зафиксировать еще один парадокс.

17

Второй парадокс здравого смысла, или «точка перегиба»

Человек может адекватно определить границу своего знания, но *немедленно* теряет адекватность по другую сторону этой границы. Иначе говоря, даже осознавая свою узкую специализацию, он не фиксирует *сам момент* перехода границы своего знания, тот момент, когда *становится* некомпетентным, и когда наступает пора обратиться к специалистам, компетентным в смежных областях – то есть *осознанно* включиться в процессы разделения труда и междисциплинарной интеграции. Более того, часто, оказавшись в чужом проблемном поле со своим когнитивным инструментом наперевес, наш герой начинает атаковать великанов, которые на поверку оказываются ветряными мельницами его же собственных представлений о незнакомой исследовательской области. Чаще всего такое донкихотство случается на стыке гуманитарной, технической и естественнонаучной областей, на границе теоретических и прикладных дисциплин, на границе научных школ и национальных изводов одной и той же научной дисциплины. Именно в такой ситуации «абстрагирующий и, стало быть, разделяющий рассудок, который упорствует в своих разделениях» [9, стр. 98-99], не способен к обнаружению собственной ограниченности, ибо считает свою компетентность тотальной.

18 Сказанное, кроме того, что относится к установлению основных понятий и концептов нашей статьи, в значительной мере отражает *системные* недостатки принятия стратегических решений в современном обществе. К примеру, практически в любом современном парламенте решение готовится в профильном комитете, однако принимается общим числом голосов. Иными словами, большинство принимающих решение по *каждому* из вопросов не являются компетентными в данном вопросе, то есть ведут себя как носители обыденного сознания. А, следовательно, они могут быть подвергнуты (и подвергаются!) манипулятивному воздействию – в наше время его уважительно называют лоббизмом. По точно такой же схеме работает и простая реклама: потенциального потребителя «выманивают» за пределы его компетентности, туда, где он не в состоянии мыслить критически, и заявляют, что он легко разберется... Дальше идет информация, которую убаюканный лестью обыватель принимает за правду.

19 Неспособность определить «точку перегиба» характеризует обыденное сознание *феноменологически*, т.е. уже не просто как непосредственно данное, не как факт чувственного опыта, а как *типичное явление*. А это значит, что гипостазирована некая сущность, *являющаяся* в данном феномене. Но пока что описанные нами парадоксы выступают как «неразличенное единство сущности со своей непосредственностью... – или *вещь*» [8, стр. 111-112], а в нашем случае – соотношение вещей.

20

Сущность «парадоксальных» характеристик обыденного сознания

Повторим: в рамках повседневности человек осуществляет целесообразную деятельность, т.е. компетентен и субъектен (агентивен). И мы уже отметили, что момент выхода за пределы компетентности не осознается: за этим пределом не только компетентность, но и способность к критической самооценке отсутствуют. Но с чем это связано и как, по существу, определить точку перехода? По нашему мнению, она находится на границе *потери субъектности (агентности)*, то есть там, где индивид перестает ставить себе

цели и/или осознавать *цель* своих действий. Иными словами, при выходе субъекта *за пределы своего целеполагания*, в сферу целеполагания *других*, он собственно, и проявляет себя как носитель обыденного сознания.

21 Две формы потери субъектности Исторически более ранняя ремесленная форма разделения труда (по конечному продукту) и свойственное промышленному капитализму, разбиение процесса внутри себя, начавшее складываться позднее, в период становления мануфактуры и фабрики, и дошедшее до наших дней, представляют собой две базовых предпосылки потери субъектности.

22 В первом случае человек субъектен внутри процесса, который он сам задумал и осуществляет, и теряет субъектность лишь *вне* его. Наиболее ярко этот случай описан в известной притче А.С. Пушкина «Сапожник». Напомним: сапожник справедливо указывает художнику на ошибку в изображении обуви, но после того, как последний вносит правку, пытается высказывать мнение явно за пределами своей компетенции. Такая «экспертиза» заканчивается известной фразой: «Суди, дружок, не свыше сапога!» Здесь внутри своего ремесла сапожник субъектен, но явно не субъектен в сфере художественного творчества – однако совершенно этого не понимает и не чувствует.

23 Во втором же случае (исторически более позднем) человек, будучи исполнительным звеном сложного производственного процесса, не ставит цели *сам*. Он знаком лишь с *фрагментированной* целью – продуктом «декомпозиции стратегических целей» (по П. Друкеру), выступающей перед ним как *задача*. Мы достаточно подробно рассмотрели эту ситуацию в прошлогодней статье, к которой и отсылаем читателя [24]. Там, кстати, особо подчеркивалось, что в условиях современного развитого капитализма даже *организатор* процесса (и собственник продукта) не полностью субъектен, поскольку не ставит, а лишь воспроизводит и реализует поставленную до него, предсуществующую ему стратегическую цель – получение прибыли. Конкретная форма продукта при этом имеет второстепенное значение.

24 Мы обращаем внимание читателя еще на один тезис, вытекающий из упомянутой статьи: субъектность (агентность) напрямую связана со способностью и возможностью *целеполагания*. А степень обыденности представляет собой, как теперь выясняется, обратную целеполаганию функцию. В свою очередь, очевидно, что способность и возможность целеполагания напрямую связаны с *проектированием*, в том числе социальным – то есть со способностью и возможностью построения «моделей потребного будущего» [1, стр. 39-78.]. Поэтому, определив основные особенности обыденного сознания, попытаемся теперь понять, *как* они трансформируют представления о (социальном) времени.

25

Формы обыденных представлений о времени

26 Обыденные представления о времени лишь *внешне* тяготеют к точным наукам и вряд ли представляют собой результат *размышлений* носителя обыденного сознания о времени как об объекте исследования. Исключением может быть весьма узкая группа людей, профессионально изучающих время. Но и у них, заметим, есть своя граница компетентности, в особенности в случаях, если речь идет о социальном времени.

27 Формы представления обыденного сознания о социальном времени можно разделить по их генезису на **две группы**: 1) связанные с опытом повседневной деятельности и 2) проецируемые из-за пределов компетентности, из сферы, в которой сознание проявляется как обыденное. Рассмотрим их пристальнее.

1. Представления, вытекающие из повседневного опыта

Это представления, соотнесенные с профессиональной (повседневной) деятельностью – той сферой, где сознание не обыденно в вышеуказанном смысле. Поскольку само время не есть *предмет* повседневной практики, постольку суждения о нем не обыденны ровно в той мере, в которой оно рассматривается как *обстоятельство, форма, мера длительности* осуществления этой самой повседневной практики. Так, всякий субъект (агент)³ четко осознает цепочку *причинности* в своей деятельности. К примеру, и «простой» пекарь, и технолог современного хлебопекарного производства одинаково хорошо понимают, что не удастся выпечь хлеб без предварительного процесса брожения, который, в свою очередь, имеет определенную продолжительность и определенные этапы. Некоторые трудовые (производственные) процессы настолько строго завязаны на определенные отрезки времени (например, в стекольном производстве, литье, кузнечном деле, пищевом производстве), что у тех, кто эти процессы осуществляет, вырабатывается точнейшее интуитивное чувство времени до долей секунды.

29 По нашим наблюдениям, в рамках повседневного трудового (производственного) процесса работники относятся к временным проблемам абсолютно прагматично и не ставят вопросов философского и псевдо-философского характера, в особенности если *сами* планируют и/или регулируют процесс. Они четко осознают *однаправленность* течения времени, разницу между виртуальностью планов и реальным результатом и более того, иронизируют над теми, кто путает возможность и действительность. Например, в бытовых сказках многих народов мира присутствует сюжет, когда охотник целится в зайца и при этом строит планы на будущее – продаст шкуру с выгодой, купит какую-нибудь скотину, та даст приплод, охотник выгодно его продаст, разбогатеет, женится, родятся дети, подрастут, начнут баловаться – а он им крикнет: «Ванька, Гришка! А ну прекратите!» (В [дагестанском варианте](#) сказки охотник представляет, что сын не будет знать, как погонять волов в упряжке – а он ему подскажет: «Цоб!»). Во всех вариантах размечтавшийся охотник кричит последнюю фразу вслух, заяц убегает, «стратегия» разваливается.

30 Сходным образом отношение ко времени выступает в расхожих сентенциях «житейской мудрости», афоризмах, поговорках и иных квази-фольклорных формах. Например, широко известна и стала современным мемом фраза, пародирующая известную песню Р. Паулса и И. Резника: «Фарш невозможно повернуть назад...» – весьма ёмкий образ (образность в противовес рациональности характерна для обыденного сознания), демонстрирующий, кроме всего прочего, четкое понимание временной последовательности, однаправленности времени в «точках бифуркации», в которых присутствует вариативность будущего, но прохождение которых эту вариативность снимает. Однако нашей задачей является не описание этнографических феноменов⁴, а поиск общих характеристик восприятия времени обыденным сознанием и причин такого восприятия.

2. Обыденная интерпретация внешнего (социального) опыта

Вторая группа форм отношения обыденного сознания к проблеме социального времени – «творческая переработка», а точнее, *обыденная интерпретация* сведений, поступающих из сфер, находящихся по ту сторону границы компетентности, это наиболее интересный предмет рассмотрения. Здесь явным образом присутствуют *два процесса*. Один направлен *вовне* и представляет собой проявление активности носителя обыденного сознания. Он возникает как раз при выходе субъекта за пределы его целеполагания и наложении им на чужие, непривычные сферы деятельности своей «когнитивной сетки».

32 Другой процесс направлен *извне* и есть результат активности иных субъектов, сообщающих информацию из своей сферы компетентности тем, кто в этой сфере некомпетентен *ergo* не субъектен (не агентивен). Иными словами, информацию, пришедшую из-за границы некомпетентности, интерпретирует либо некомпетентный получатель, либо компетентный отправитель.

33

Источники обыденных представлений о времени

34 В рамках повседневности господствует эмпирическое понимание социального времени, пропущенное через личное отношение. В ситуации простого *воспроизводства* процесса и, соответственно, целей человек в достаточной мере субъектен. По крайней мере, он *рефлексирует* свою «самость», *воспринимает* себя как «хозяина» своей целесообразной деятельности и ее результата: «Мои предки делали так, я делаю так, мои дети будут делать так же». По мере развития производства и/или при изменении внешних обстоятельств человек встает перед необходимостью определять новую цель и планировать новый процесс, *изменять их*. Таким образом, *реально* его субъектность возрастает, но рефлексируется это, напротив, как потеря субъектности. Снова парадокс: спокойная картина неизменного процесса и предустановленной в прошлом цели воспринимается носителем обыденного сознания как более предпочтительная, а изменения, *становление* нового – как источник *беспокойства*. Это, заметим, вполне соответствует гегелевскому определению становления как «беспокойства в самом себе». [5, стр. 225] Источники беспокойства понятны: причины изменений рассматриваются как обстоятельства непреодолимой силы, источники и причины которых лежат уже «по ту сторону» субъектности (агентности) – а потому воспринимаются не как закономерности, а как действия неких субъектов, не всегда персонализированных, но почти всегда враждебных. Такое восприятие (заметим – весьма архетипичное как для онто-, так и для филогенеза) накладывает отпечаток на все стороны мышления и практики, в том числе на язык. Об этом еще в конце XIX века писал А.А. Потебня, исследуя бессубъектные предложения, которые, по его мнению, как раз и отражают представления об игре сил, *враждебных* человеку и *неподвластных* ему, «...общий смысл коих (представлений – А.С.), что мифическое на наш взгляд существо производит известное действие в природе или человеке, овладевает человеком, берет его, схватывает...» [17, стр. 320].

35 Итак, вопросы рефлексии по поводу социального времени возникают там и тогда, где и когда возникает вопрос, который по определению является *проективным*: что делать, т.е. какие *цели* ставить в новых обстоятельствах? Именно в этот момент субъект делает выбор: опереться на собственные соображения или прибегнуть к «междисциплинарной коллаборации», обратившись к специалистам, компетентным в *этой* области. В первом варианте есть высокий риск ошибочного суждения и ложного умозаключения. Но в современном обществе этот «кустарный» вариант присутствует, скорее, как преобразованная, снятая предпосылка, поскольку разделение (и соединение!) труда в рамках современного общества достигло чрезвычайно высокой степени. Однако и второй вариант чреват тем, что сообщение из «чужой» области знания окажется непонятым: в каждой сфере есть свой «птичий язык», свои конвенциональные правила и своя неогlossия. К тому же возможности ложной интерпретации в корыстных (частных) интересах сегодня разрослись до масштаба глобальной проблемы информационных «фейков». В свою очередь, у тех, кто *воспринимает* информацию из «соседней» области, не всегда находится инструмент проверки истинности выросшего потока информации и ее интерпретаций. Однако *возможность* появления такого инструмента высока – именно в связи с интеллектуализацией процессов человеческой деятельности.

36 И так, в современном обществе, характеризующемся *противоречивым единством* высокой субъектности (агентности) и узкой специализации, две названные формы в значительной мере преобразованы, сняты и существуют в виде разного рода *нарративов*. Для нашего современника они представляют собой набор стереотипов отношения человека, живущего настоящим, сегодняшним днем, к прошлому и будущему.

37 Отношение это формируется в первую очередь за счет художественных произведений: огромный пласт литературы, а также другие виды искусства, важнейшим из которых по-прежнему является кино. Впрочем, их постепенно теснят компьютерные игры.

38 Подчеркнем: нас интересует восприятие *взаимосвязи* прошлого, настоящего и будущего, а не фантазирование только о будущем или только о прошлом. И здесь можно вспомнить несколько замечательных зарубежных фильмов, которые в совокупности весьма рельефно обрисовывают такие проблемы: кинотрилогия [Р. Земекиса](#) и [Б. Гейла](#) « [Назад в будущее](#) », телесериал « [Доктор Кто](#) », « [Машина времени](#) » (2002) С. Уэллса (правнука автора романа), « [Эффект бабочки](#) » (2004) Э. Бресса и Дж.М. Грубера; « [И грянул гром](#) » (2005) П. Хайамса по одноимённому роману Р. Бредбери. Не менее интересны и отечественные фильмы: советские « [31 июня](#) » (1978) и « [Гостя из будущего](#) » (1984), перестроечное « [Зеркало для героя](#) » (1987), современные « [Азирис Нуна](#) » (2006), «Обитаемый остров» (2009-2012), « [Временщик](#) » (сериал 2014 года).

39 Надо заметить, что в основу многих произведений *научной* фантастики все же положены серьезные теории или гипотезы, в них ставятся даже не столько научно-технические проблемы, сколько философские. Однако обыденное сознание, с его поверхностным и фрагментарным восприятием всего, что лежит за пределами его обыденности, склонно упрощать проблемы, поставленные не только наукой, но и литературой, делать плоской не только научную, но и художественную картину мира. Все проблемы, которые ставятся в связи со временем, для обывателя предстают в виде определенных (и достаточно стандартных) *временных парадоксов*. Бросим беглый взгляд на основные позиции обывателя относительно трех «точек времени».

40

Отношение к прошлому

Отношение к прошлому – это в основном интерпретация, нарратив, представление событий как закономерных. Если будущего *еще нет*, а потому оно в любом случае проективно, то прошлое – *уже было*, и поэтому оно вполне однозначно. Однако когда заходит речь не о самих событиях, а об их причинах и следствиях, обыденное сознание начинает вести себя в отношении прошлого ровно так же, как в отношении будущего – рассматривает его вариативно.

41 Проблема прошлого для обыденного сознания выглядит чаще всего как **проблема детерминизма, предопределенности прошлым настоящего – и попыткам его обойти**: «Что было бы, если бы?» Иными словами, чрезвычайно популярно сослагательное наклонение в его контрфактическом значении. Это один из самых излюбленных ходов обыденного сознания в процессе непосредственного восприятия им окружающего мира⁵ и, соответственно, это излюбленный ход тех, кто «готовит» смыслы *для* обыденного сознания, причем не только в художественной литературе, но даже и в серьезных исследованиях. Применение сослагательного наклонения к истории дает огромное количество спекуляций или, в лучшем случае, ответвлений «альтернативной истории».

42 Недовольство реализовавшимся настоящим приводит к поиску причин несовпадения с ожиданиями, а поскольку выбор детерминант произволен, постольку и причины эти чаще

всего конструируются по принципу ad hoc, то есть «к случаю». Самый простой и неотрефлексированный случай – **сосуществование взаимоисключающих цепочек причинностей**. К примеру, автору неоднократно приходилось наблюдать, как одни и те же люди продвигали идею о том, что «разрушили Великую Россию» – и о том, что «развалили великую державу – СССР». Налицо очевидное непонимание процессуальности смены общественных систем. Кстати, весьма часто одновременно ставится вопрос: «Кто виноват?», что прекрасно иллюстрирует уже обозначенную тенденцию к персонификации непреодолимых социальных сил, лишивших нарратора субъектности.

43 Естественно, что описанный профанный исторический нарратив не может обойтись без **подтасовки фактов** – часто, естественно, неосознанной. Нам пришлось однажды выслушать альтернативную версию причин революций 1917 года, которую воспроизводил один из бывших мэров Химок – кандидат экономических наук, кстати сказать. По его утверждениям, мать Ленина была еврейкой и в то же время фрейлиной императрицы (судя по всему, Марии Федоровны). Затем она впала в немилость и была выслана в Симбирск. Опальная фрейлина воспитала сыновей в ненависти к царю. Старший сын решил отомстить за мать, принял участие в покушении на царя и был казнен. А младший отомстил за обоих и сверг царя в 1917 году. Мы оставляем читателю возможность насладиться представленной «версией», которая, как выяснилось, уже давно и активно обсуждается в тематических форумах «любителей истории».

44 Подобную нелепицу можно было бы отнести к забавным казусам, но напомним, что отрицание историзма – чрезвычайно модный тренд, который в свое время продвигали К. Поппер, Ф. Хайек, Л. Мизес и Р. Арон, М. Элиаде и другие именитые персоны. В конце концов – это один из столпов постмодерна.

45 **Состаривание темы** – т о ж е чрезвычайно распространенный прием, перекидывающий «мостик» между прошлым и настоящим. Б.Ф. Поршнев писал: «...Начало человеческой истории – своего рода водосброс, место стока для самых некритических ходячих идей и обыденных предрассудков по поводу социологии и истории. Самые тривиальные и непродуманные мнимые истины становятся наукообразными в сопровождении слов "люди с самого начала"..."» [16, стр. 37]. Тенденция состаривать темы и/или предметы исследования присутствует даже в научно-педагогическом сообществе, особенно у авторов учебных материалов. Вот, к примеру, некая «Школа рекламиста»⁶, разработанная «с учетом вузовских программ» с участием университетского преподавателя. Читаем: «История PR в лицах. Юрий Долгорукий»⁷.

46 Из вышесказанного естественным образом вытекает установка: **«В прошлом уже всё было изобретено»**. Особенно этим страдают телеканалы, демонстрирующие «цивилизации гигантов и пришельцев», ищущие Атлантиду (придуманную, как известно, Платоном). В этом своем изводе «альтернативная история» смыкается с криптоисторией и мистикой. И, конечно же, самый простой и популярный прием воспроизведения картин прошлого обыденным сознанием и для обыденного сознания это мышление по **анalogии**. [30, 1992]

47

Отношение к будущему

Очевидно, что будущее само по себе, вне контекста человеческого целеполагания и человеческой деятельности, не существует. Собственно, оно действительно *еще* не существует, и говорить о нем можно только с точки зрения возможной реализации какой-либо цели. В этом смысле интересна жесткая пародия Стругацких на представления о будущем в их ранней повести «Понедельник начинается в субботу». Напомним: один из персонажей, Луи

Седловой, отправляет главного героя на машине времени в *описываемое* будущее, поскольку реального будущего еще нет. Собственно, фантасты спародировали все стереотипы своего времени, многие из которых живы и поныне [26, стр. 156-168].

48 **Будущее – это достояние человека.** Мы подкрепим этот тезис цитатами из двух авторитетных источников – и это не *argumentum ad verecundiam*, а отсылка к серьезным исследованиям. Знаменитый советский психолог Пётр Яковлевич Гальперин выдвинул великолепный, на наш взгляд, тезис: «Жизнь во времени начинается не с прошлого, а с будущего». Он писал: «Животное живет только настоящим, и не предвидит будущего» [4, стр. 124]. «Понятие цели возникает как понятие достижения того, чего нет и что нужно специально изготовить... Дело не в том, что какое-то время уже прошло и это осознаётся, а в том, что когда начинается планирование на будущее, то в интересах планирования предстоящих действий происходит и воспроизведение чего-то полезного из прошлого опыта. Причем это прошлое нередко оказывается выдуманным, фантастическим... Пусть оно будет надуманное, лишь бы оно выполнило свою полезную роль. Итак, начинается жизнь во времени: сначала в будущем, а отсюда уже и в прошлом, создается сложная система человеческой жизни» [4, стр. 131-132].

49 Примерно в то же время, дискутируя с физиологом П.К. Анохиным и психологом Н.А. Бернштейном, историк Б.Ф. Поршнев писал: «Что до животных, то выражение Н.А. Бернштейна "модель потребного будущего" неточно, порождает недоразумения, ибо на деле речь идет о "модели потребного прошлого", т.е. о воспроизведении животным уже имевшей место реакции... Сконструировать будущее, новую задачу животному нечем. Оно способно "предвидеть" лишь то, что уже было (сюда относятся и экстраполяция). Если же ситуация ни в малейшей степени не соответствует прошлому опыту, животное не может создать программы действия. Только у людей есть история, потому что она – цепь "моделей потребного будущего" [16, стр. 105-106].

50 Вот, собственно, кратко изложенная научная концепция будущего, целеполагания и социального проектирования. Здесь еще стоит отослать и к опередившей свое время книге А.М. Гендина [10], написанной примерно тогда же, когда цитированные работы Гальперина и Поршнева. Иное дело – обыденная, профанная картина.

51 **Отношение обыденного сознания к будущему и его связи с настоящим и прошлым.** Обыденное сознание, схватывая очевидные, то есть непосредственно данные отношения, и опираясь на аналогии с собственным эмпирическим опытом, видит будущее иначе. Мы уже рассматривали причины, по которым в профанную картину времён легко инкорпорируются обломки архаичных представлений о времени [23, стр. 73-74]. В связи с этим по-прежнему сильны формы описания будущего, близкие к пророчествам. Образное восприятие времени как «шкалы» заменяет последовательность рядоположенностью, становление – ставшим, «покоящимся бытием соотношений, множеством обособленных необходимостей» [7, р. 161].

52 К будущему относятся как к чему-то, что есть, нужно лишь отгадать, какое оно, а еще лучше туда попасть и добыть необычайное устройство и/или знание. Прошлое в этой картине мира «методологически симметрично» будущему: можно попасть туда с современным прибором и/или знанием – и стать властелином мира или на худой конец Хозяином (The Boss), как коннектикутский янки при дворе короля Артура (Марк Твен). Эта идея настолько завораживает обывателя, что вокруг нее сложился целый пласт художественной культуры: ее герои, именуемые «попаданцами», попадают в прошлое, в будущее. Да, собственно, и фантастическое общение с более развитыми цивилизациями и НЛО – из того же разряда.

53 Во всех случаях речь идет не о процессе *производства* новой техники и нового

знания (а это высшая форма производства), а об их *добыче*. Субъект, принявший такой стиль мышления, скатывается от целесообразной деятельности (постановка цели) к целенаправленной (поиск готового объекта), то есть теряет способность, делающую его субъектом.

54 К сожалению, в современной литературе, посвященной социальному проектированию, процессуальной стороне проекта уделяется крайне мало внимания. На этот разрыв обращал внимание И.В. Бестужев-Лада, говоря о необходимости синтезировать прогностические методики [2]. Это касается и фантастики: даже такие прекрасные футурологи, как Иван Ефремов и братья Стругацкие, описывая будущие миры, совершенно вскользь касаются процессов их становления. Кстати, и авторы компьютерных игр, виртуальная реальность которых представляет собой модели возможных миров, испытывают трудности с их построением по непротиворечивым правилам – и выходят из затруднения с помощью добычи т.н. «артефактов». «Ничто не ново под луною» (Н.М. Карамзин), «и нет ничего нового под солнцем». (Еккл. 1: 9-10).

55 И, конечно же, следует обратить внимание на сходство такого подхода с методологией описания искусственного интеллекта: практически во всех концепциях он рассматривается как ставший, в то время как принципиальное значение имеет именно процесс становления, онтогенеза (который, заметим, не существует вне единства с филогенезом).

56

Выводы

57 Ошибочность построения моделей обществ будущего и контрфактической истории прошлого заключается в подмене процесса становления во времени бытием, которое немедленно начинает восприниматься как локализация. Это, в свою очередь, оживляет стереотипы добывающей экономики. И то, и другое легко воспринимается носителями обыденного сознания, которые по определению не субъектны вне рамок своей повседневности.

58 Чтобы разорвать порочный круг, в основу социального проектирования должно лечь **иное отношение к прошлому и будущему**: процессуальность целеполагания и целедостижения, что предполагает наличие зрелого субъекта. Процесс его формирования мы надеемся рассмотреть в отдельном материале.

Remarks:

1. Там же мы обосновали тождественность терминов «субъект» и «агент».
 2. Это важное уточнение: не может быть абсолютной субъектности (агентности), как и их абсолютного отсутствия. Собственно, значительная часть статьи посвящена разворачиванию именно этого тезиса.
 3. Напомним: системообразующим признаком субъекта (агента) является способность ставить цель и участвовать в деятельности по ее реализации.
 4. Мы не отрицаем достижений этнометодологии, применявшейся Гарфинкелем в его исследованиях, однако он решал прикладную задачу, не предполагавшую рефлексии исследуемых по поводу своего восприятия процессов, участниками которых они были. В нашем же случае предметом является именно рефлексия.
 5. Обыденное сознание – это в том числе и не оторефлексированное непосредственное восприятие.
 6. >>>>
 7. >>>>
-

References:

1. Bernshtejn N. Ocherki po fiziologii dvizhenij i fiziologii aktivnosti. Moskva: Meditsina. 1966
2. Bestuzhev-Lada I. Issledovaniya buduschego: problemy i resheniya. // Tsentr gumanitarnykh tekhnologij. Informatsionno-analiticheskij portal. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633>
3. Vazyulin V.A. Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii. Moskva: Izd-vo MGU, 1988.
4. Gal'perin P.Ya. Lektsii po psikhologii. Moskva: Vysshaya shkola, 2002.
5. Gegel' G.V.F. Ehntsiklopediya filosofskikh nauk. Nauka logiki. (T. 1). Moskva: Mysl', 1974.
6. Gegel' G.V.F. Lektsii po istorii filosofii. Kniga vtoraya. SPb: Nauka, 1994.
7. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha (T. IV). M.: IF AN SSSR, 1959.
8. Gegel' G.V.F. Nauka logiki (T. 2). Moskva: Mysl', 1971.
9. Gegel' G.V.F. Nauka logiki (T. 1). Moskva: Mysl', 1970.
10. Gendin A.M. Predvidenie i tsel' v razvitii obschestva: (Filosofsko-sotsiologicheskie aspekty sotsial'nogo prognozirovaniya). (V. F. Golosov, Red.) Krasnoyarsk: Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1970.
11. Marks K. Kapital, tom 1 (T. 23). M.: IPL, 1961.
12. Marks K. Kritika Gotskoj programmy. V K. Marks, & F. Ehngel's, Soch. 2 izd. (T. 19, str. 9—32). Moskva: IPL, 1961.
13. Marks K. Ehkonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov (Pervonachal'nyj variant «Kapitala»). Chast' vtoraya. (izd. 2, T. 46, chast' II). Moskva: IPL, 1969
14. Mironov V.V. Obrazy nauki v sovremennoj kul'ture i filosofii. M.: Gumanitarij, 1997.
15. Mironov V.V. . Interv'yu zhurnalu «Logos». // Logos 5 (50), 5-8, 2005.
16. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsikhologii). Moskva: Mysl', 1974.
17. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike. (T. 3). M.: Prosveschenie, 1968.
18. Putilin A.I. Obydennoe soznanie i moral'. Filosofskie voprosy estestvoznaniya i tekhnicheskikh nauk. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. (str. 238-247). Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2014.
19. Putilin A.I. Sotsial'nye funktsii obydennogo soznaniya: dis. kand. filos. nauk: 09.00.11. / Putilin Aleksandr Ivanovich. – Taganrog, 2009.
20. Segal A.P. . Problemnoe pole issledovaniya obydennogo soznaniya. // «Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya», 2013, №6 URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10957>
21. Segal A.P. Genezis i struktura obydennogo soznaniya: dis. kand. filos. nauk: 09.00.11. 186. Moskva, 2014.

22. Segal A.P. Svobodnoe vremya svobodnogo truda –ili novye ogorazhivaniya? // Vzglyad iz Rossii: Razmyshleniya o muzhestve leni i bezdel'e. Trud i ego sud'ba. (Kollektivnaya monografiya)./ Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun- Die Arbeit und ihr Schicksal (str. 100–133). Moskva: MGU, 2017.
23. Segal A. P. Budushee i proshloe v zerkale zdravogo smysla // Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal Vestnik MIRBIS, 2018 1 (13), S.72–78.
24. Segal A.P. Kto menyaet menyayuschijsya mir? O sub'ektakh i agentakh strategicheskikh kommunikatsij. // Iskusstvennye obschestva. 2019, T.14 №3. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800006883-0-1/>
25. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moskva: Ehksmo, 2007.
26. Strugatskij A.N., Strugatskij B.N. Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu. Moskva: Detskaya literatura, 1965.
27. Ulybina E.V. Psikhologiya obydenogo soznaniya. Moskva: Smysl, 2001.
28. Khajdegger M. Ponyatie vremeni: doklad pered Marburgskim teologicheskim obschestvom, iyul' 1924. Zhurnal filosofskikh perevodov. 2015, №1(7), S.77–97.
29. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenij. / (Red V.A. Yadov). M.: Aspekt Press, 1996.
30. Shubin A. Garmoniya istorii. Vvedenie v teoriyu istoricheskikh analogij. Moskva: SP "Pacific Union Investment Corporation": Palomnik, 1992.

Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени

Сегал А. П.

*МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Для понимания процесса проектирования общества предлагается рассмотреть формы социального времени, – прошлого, настоящего и будущего – как они представляются обыденному сознанию. Для этого вводится и разворачивается понятие обыденного сознания, а затем оно соотносится с концептом субъектности (агентности). В данной статье раскрыта обратная зависимость субъектности (агентности) и нерелексивности обыденного сознания. Субъект (агент) воспринимает будущее не как готовый или «предустановленный» объект, а как продукт, результат становления в процессе своей деятельности. В противоположность этому обыденное сознание рассматривает процесс становления как беспокойство - и стремится его избежать. Человек с усеченной субъектностью рассматривает будущее как уже ставшее, существующее «пространство», из которого можно добыть нужное средство, наподобие сказочных артефактов. Автор обращает внимание на сходство такого подхода с методологией описания искусственного интеллекта: практически во всех концепциях он рассматривается как ставший, в то время как принципиальное значение имеет именно процесс становления, онтогенеза.

Ключевые слова: субъект, агент, обыденное сознание, рефлексия, социальное проектирование, будущее, мультиагентность

Дата публикации: 05.09.2020

Ссылка для цитирования:

Сегал А. П. Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Выпуск 3 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (дата обращения: 28.11.2020). DOI: 10.18254/S207751800010977-3